

[Апрель 1953 г.]

Дорогой мой сын!

На твою неоднократную просьбу хочу ответить. Не знаю, удастся ли мне то, что тебе желательно, или нет, но попытаюсь. Просил ты меня описывать из моей жизни кое-что, и, как я поняла, интересуется тебя часть моей жизни, в которой ты уже участвовал. Жизнь моя вообще в последнее время была суровая, отчасти очень суровая, но хочу начинать с моего детства, потому что мне кажется несправедливым рассказывать только тяжелое и обходить хорошее, а мое детство было счастливым...

Нежной любовью я была окружена в детстве, в юности и в короткие годы моего замужества. Росла я в достатке, который местами уже сливался с роскошью. Родилась на Украине в 1893 году в деревне (немецкая колония) Орловке Херсонского уезда той же губернии. Мои родители были бедного происхождения.

Мать в 12 лет осталась сиротой и воспитывалась в еврейской семье строго религиозного убеждения. Она уважала их и старалась нам внушить уважение и любовь не только к своим родителям, но и ко всем евреям. После она работала в прилугах, откуда и вышла замуж.

Отец работал кузнецом. Помню еще, как он рассказывал, как в молодых годах работал учеником и как он должен был, помимо своей кузнечной работы, помогать жене мастера по хозяйству. После он сам имел учеников, но время уже стало другое. Ученик, отработав свое время, был вольный. У моих родителей я по счету была двенадцатый ребенок. Выросло восемь.

Трудолюбие и стальная воля отца моего были увенчаны успехом. Господь благословил его, и, когда я в 1893 году явилась на свет, беднота давно прошла. Большой кирпичный дом, черепичный крытый, принял меня. Километрах в трех, на реке Ингул, имел отец кирпичный завод...

Благодаря собственному кирпичу и все остальные хозяйственные постройки к у моих родителей были кирпичными. То есть конюшня, курятник, фруктосушилка и сарай. Также вход в большой зацементированный подвал был кирпичным. С улицы и во дворе с обеих сторон, огораживая сад, стоял широкий красивый узорчатый кирпичный, известкой беленный забор.

Все это тонуло в тени зеленых садов. С улицы – белая акация, а сада – фруктовые деревья. Почему-то я помню акацию больше во время ее цвета, а сад уже во время спелых плодов. Отец как большой любитель садоводства имел разные деревья и по несколько сортов каждых.

Агата Генриховна Матис (в центре) с сестрами Анной Генриховной Нейфельд и Юстиной Генриховной Матис. 1960 год

Агата Матис

Письма детям

Интересно, измерял ли кто-нибудь, сколько страданий может вынести за свою жизнь человек? Странный вопрос, не правда ли? Но именно он приходит в голову, когда знаешь то, о чем сейчас, дорогой читатель, узнаете и вы.

Мы предлагаем вам познакомиться с маленьким кусочком прошлого, о котором многие, наверняка, уже слышали. Только сейчас вы увидите это прошлое не со страниц школьного учебника и не из книги какого-нибудь именитого историка, а глазами человека, обыкновенной женщины, пережившей все, о чем она пишет. Это Агата Генриховна Матис. Она родилась в 1893 году в немецкой семье Варкентин в поселении Орловка Херсонской губернии, в отрочестве вместе с родителями переехала в Сибирь, где ей были уготованы страшные испытания. Письма со своими воспоминаниями Агата Генриховна писала в 1950-х годах и адресовала их сыновьям, чтобы они знали историю своей семьи и прочувствовали всю ту боль, что выпала на долю их матери. Писала по-немецки, а потом сама же и перевела их на русский. Мно-

гое было в ее судьбе: арест и расстрел мужа, гибель детей, предательство, потери родных и близких. Она прошла через жернова СИСТЕМЫ, выжила сама и сохранила жизнь трем своим сыновьям.

Эта хрупкая женщина с удивительно ясными глазами перенесла столько невзгод, сколько хватило бы на десятерых, но душа ее осталась чиста. Не было в ней ни злобы, ни обиды, только грусть при взгляде на сыновей, оттого что не смогла уберечь их от всего плохого в этой жизни, светлая материнская грусть. После смерти Агаты Генриховны в 1970 году письма хранились в семье старшего сына Я.Я. Матиса, а затем внучки - Е.Я. Матис. Во время одной из учебных этнографических практик томских студентов под руководством доцента Э.Л. Львовой фотокопии писем были переданы в Томский государственный университет. Ныне фрагменты их впервые публикуются в альманахе «Сибирская старина». В публикации сохранен авторский стиль, купюры обозначены отточием.

Галина Алишина

Яблоки прививал разных сортов на один ствол. Были вишни, сливы, груши, грецкий орех, виноград и всякие ягоды – крыжовник, смородина, масленица и шелковица.

Ночь на 14 апреля 53 г.

Мое любимое дите!

...Летом завтракали и ужинали на веранде, у которой две стены были подряд окна, они с улицы были затянуты плетями дикого винограда. Редко где пробирался солнечный свет. И сейчас еще помню, как мне нравился узор этих листьев, который набрасывал тень на стол, и стену, и потолок. В этом же коридоре моя сестра Юстина часто стояла и плакала, дожидаясь меня, чтобы вместе в школу идти, потому что мама не разрешала нам, сестренкам, ходить не вместе. А я в это время сижу и спокойно завтракаю и не понимаю, что есть – не такое важное дело, как учиться, и торопиться, да еще в школу, вовсе казалось лишним. Учитель по всей школе был один, а детей, наверное, человек сорок. Режим был строгий...

В это время мои родители ездили один раз на Кавказ к тете, на Кубань, три раза в Сибирь к моим сестрам Елене Ф. и Елизавете Л., которые там жили со своими семьями. Меня как младшую дочь взяли с собой. Езда на поезде мне очень нравилась. Я все прислушивалась к ритмическому перестуку колес. Через Уральские горы ехали - мне показалось очень интересным, как высоко по горам ходили кони и коровы, и они мне показались такими маленькими, игрушечными. Хотя я была маленькая, папа мой все стремился мне чего-нибудь рассказать. Помню, что он мне говорил: «Тут Сибирь начинается. Здесь граница между Европой и Азией». И показал куда-то через окно вагона.

В Сибири, километрах в 12 от города Омска, на левом берегу Иртыша, купил отец большой участок земли, который назывался Чунаевка по его бывшему владельцу киргизу Чунаеву.

21 апреля 1953 г.

...Была у нас большая семья плюс несколько... моих племянниц, хотя уже вышли замуж, а жили, кроме двух сестер, все кучкой.

Отец поселился на очень красивом месте. Небольшое озеро с ракушкой на задах. С передней стороны около сотни старых берез, которые он загородил и держал вроде заповедника. Сюда собиралась вся наша окрестность на летние праздники. Здесь были устроены качели, чистые места для всяких игр (крикет и т.д.). Метров в 200 от нас на север проходила железная дорога. Кругом красивая, ровная местность, кое-где разнообраз-

ные леса и недалеко соседские хутора. Здесь расцвела моя счастливая юность.

Мне исполнилось четырнадцать лет, когда мои родители послали меня учиться в Украину. Можно было меня отдать в город Омск, в гимназию, за 12 километров от дома, но мои родители, как верующие, послали меня лучше подальше, но зато там содержалось женское училище, тоже верующими. Были две немецкие учительницы, и их отец был директором этой школы. Дом был собственный. Еще была одна русская учительница из Москвы, дочь баптистского проповедника. За год я окончила две группы, после не пришлось мне дальше учиться.

27 апр. 1953

Мое милое дите!

...Остановлюсь я на том, как мы, молодые люди, в то время проводили наши вечера. В это время меня нашел Господь, и я приняла святое крещение. В семье все были верующие. Этим не сказано, что были безгрешные или святые... Но все более или менее старались жить по совести. Наше общество, к которому мои родители, а также и я, принадлежали, называлось «Менионитское братское общество». Это общество, виноградики Господа Бога, было ограждено законами согласно Евангелию, за исполнением которых строго следили. Воспрещалось курить, пить вино и всякие другие хмельные напитки. Не отрицаю, что это было очень строго, даже со стороны было ясно, что строго, но так как без первой рюмки второй не бывает, то это дело очень хорошее, и еще никто от этого никогда не пострадал...

Июнь 1953 г.

...Да, где то счастье, о котором я мечтала, когда тридцать пять лет тому назад с вашим отцом стояла перед алтарем? Розовый свет осыпал меня, когда я шла под венец. Это было 16 марта в 1918 году. Одиннадцать с половиной лет длилась наша совместная жизнь. ...Отец ваш тоже был верующий, и мы вместе преклоняли колени перед Богом, и он нам давал силу и радость терпения.

Материально жили мы в хороших условиях. Я была не из бедной семьи, а родители мужа, или отца вашего, считались богатыми...

Через год, в 1919 году, родился у нас первый сын. Дали ему имя Яков. Наше счастье не знало предела. Теперь быстро, друг за дружкой, явились у нас еще две девочки, но они обе умерли. Первая немного до году не дожила, а вторая жила всего день. Тогда, конечно, сердце болело, и мы плакали, а если теперь оглянуться, то я благодарю Бога, что он их из этого мира взял.

В 1924 году родился Ванюшка, в 1926 году последовал Давид, к концу 1927 года еще родился мальчик, и через два года, в 1929 году, явилась еще девочка на свет, а отец наш уже сидел за решеткой. Покуда мы жили вместе, то каждый раз, когда ребенок являлся в семье, его встречали с радостью. Мы благодарим Бога, что он нас удостоил быть отцом и матерью. Мы были счастливы.

Что хозяйства касается, то не все шло так уж благополучно. Волны революции и до нас дошли... С первого дня нашего самостоятельного хозяйства в 1918 году мы стали платить продовольственные налоги (продналог). Но так как у нас было чем платить и еще осталось для себя, то мы не очень большое внимание обратили на это. Год за годом этот тормоз прижимал нас сильнее, и стал больше чувствителен, но мы не особо падали духом. Есть – хорошо, будет меньше – и так ладно. Что-то не помню, чтоб отец ваш журился об этом...

20/VI - 53. Суббота. От субботы вышло Воскресение, значит, 21.

...Писала я в прошлом письме про напряженность в народе. Люди чего-то ожидали, сами не зная чего. Пришел август-месяц 1929 года. Откуда что взялось – никому не известно, но вдруг прошел слух, как будто будет массовое убийство вроде вторая Варфоломеевская ночь. Помню, под вечер зашел ваш отец и тихим тревожным голосом мне заявил, чтобы я вас всех на ночь одевала и обувала. Ожидается что-то, а чего – неизвестно, и никто не знает, с какой стороны грозит опасность. Вас уложила спать одетыми, сама стала у открытого окна и прислушивалась. Ваш отец и другие все мужичины дежурили на улице. А что они стали бы делать в случае несчастья? Они же все были небооруженными.

Мы, конечно, уже стали замечать, даже нам стали открыто говорить, что считают нас за врагов. Но оказалось после, что и те спрятались, которые нас считали врагами. Кто из них искал защиту в лесу, кто в картофельной ботве. Удивительно еще, что это же самое произошло в других местностях – Барнауле и т.д. Только не могу сказать точно, в одно время или нет.

Господь дал – эту опасность миновали. Стали убирать урожай, а тут опять поднялась тревога. Люди стали собираться уезжать. Были и русские в том числе, но мало, а что наши немцы, где бы они ни были – Омск, Барнаул, Павлодар, Петропавловск, Самара, вся Екатеринославская, Таврическая и Херсонская губернии, словом, вся Украина и на Амуре, где только жили наши, - поднялись на ноги.

Понятно, что их после винили, что

Семейство Матис: Яша, Яков Иванович, Агата Генриховна и приемный Вилли

после было из-за них! И акты составили, и милиция въезжала, а окорока, так как не попали в опись, были съедены в сельсовете всей этой же компанией и их друзьями.

[22 июня]

...Тот день, который нас осиротил, настал тихий и спокойный. Папа наш поехал по делам в город. Я с детьми осталась одна, взяла работу и стала шить. Часов в 12 он приехал. Я достала обед из духовки – фасоль, готовила на стол и хотела еще соус варить. Он тоже зашел в пустую кухню и сел перед плитой. О чем разговаривали – больше не помню. Когда покончили с обедом, но еще все сидели за столом, я через окно видела, что по улице шли три человека. Инстинктивно я почувствовала, что эти люди идут к нам, и я говорила:

- Теперь, Яков, идут за тобой.

Папа быстро вскочил, схватил полушубок и исчез через заднюю дверь в конюшню. Когда они зашли, первое, что спрашивали они, – хозяйина. Я ответила, что только что обедал с нами да вышел. Они сели ждать и завели со мной разговор, который очень похож был на допрос, только что ничего не писали. Через несколько времени явился еще четвертый, наверное, извозчик, которому, видно, приказали приехать позднее. Он сел с ними рядом передо мною и мне всякими значками дал понять, что они, то есть эти люди, хотят отца забрать. Тут, конечно, можно было и самим догадаться, но меня интересовало то, что рядом с ними разговаривают про них, а они не заметили этого.

Дождавшись потемок, они подали документ, согласно которому имели право делать обыск у «арестованного» Матиса Якова Ивановича. Теперь пошли рыться. Перекопали весь багаж, который был сложен и запакован в дальнюю дорогу, перетрясли всю старую обувь, и даже детский горшок, с которого только что встал ребенок, был проверен. Вдруг дверь открылась, и под стражей завели вашего отца. Другая партия его захватила у вашего дедушки Матиса. Арестованных стали собирать в кучу к дяде Давиду. Папа распрощался с нами. Мы стали на колени и помолились вместе. Никто из присутствующих нам не помешал. Вообще, можно сказать, что эти люди, выполняя свой долг, с нами поступили аккуратно и вежливо.

Я провожала папу, и когда зашли, там уже было собрано много народу. Наших трех – папу, дядю Давида и Варкентина Якова – оставили под расписку до утра дома с тем чтобы утром рано явиться в сельский совет. Мы разошлись по домам.

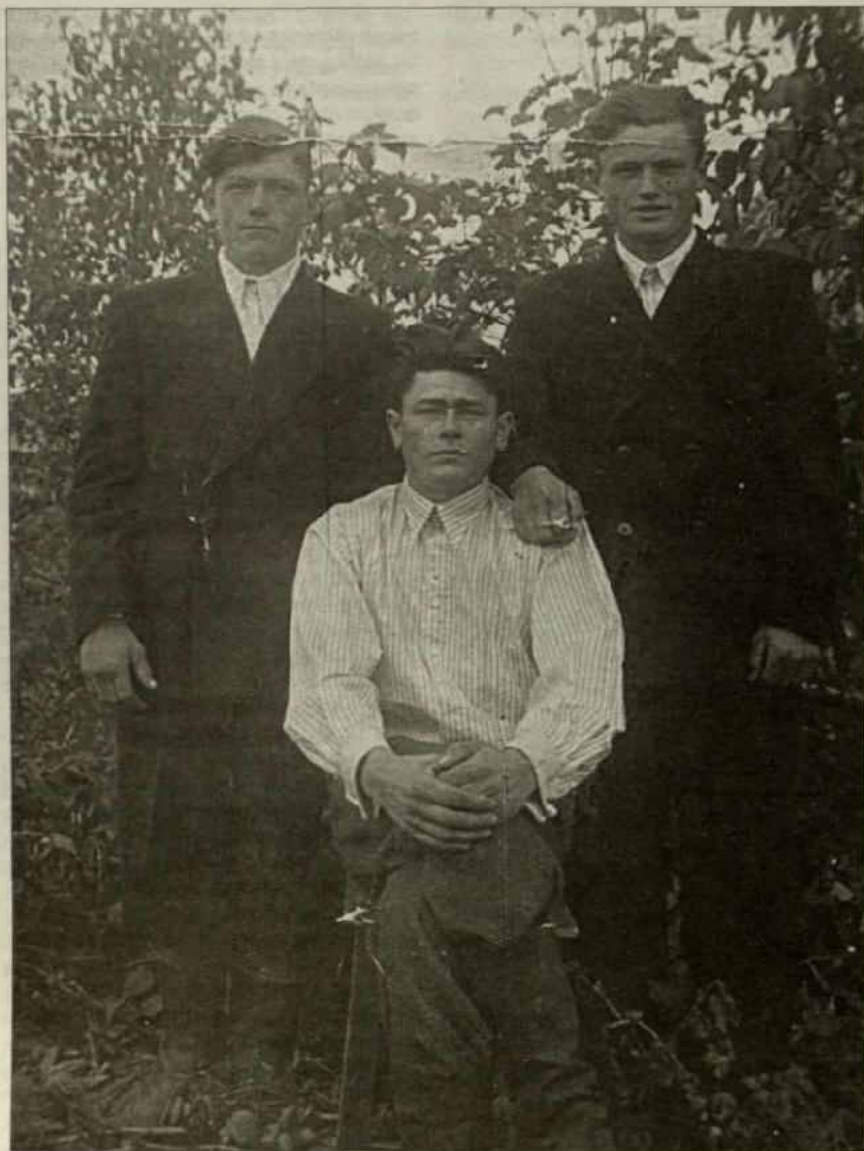
Я стала отцу готовить чего-нибудь в

говорились или агитировали друг друга. Но это совершенно не правда. Если я говорю, что ручаюсь за это, то мое слово, конечно, только перед вами может чего-то стоить. Но не было такого. Разве только друг на друга смотрели, а устройство жизни заставляло людей покидать свою родину и свое (уже сильно сокращенное) хозяйство. Цель была – Южная Америка. И мы соглашались на этот шаг. Стали готовить деньги. На это пришлось продавать кое-что из вещей. Многие из наших близких поехали в дорогу. В этом числе был мой единственный брат и дядя Ваня – папин брат со своими семьями. Мы откладывали нашу поездку на время по причине ожидания увеличения семьи.

Чтоб, видно, не все из рук выпустить, начали раскулачивать хозяйства, которые покрупнее. Нас с дядей Давидом Ивановичем обработали в один день. Сперва было то, что называется «опись». Дело шло, конечно, все формально. Требования по оплате денег и хлеба не

выполнялись по обстоятельствам невозможности. Сроки давались суточные, а когда и трехсуточные, и хотя бы и ждали бы больше, платить стало нечем. По окончании указанного срока, если кто не уплатил, то умножались требования в три раза. Тут, конечно, лишь долги выросли в невозможное, и мы остались должниками на весь век.

«Описывать» к нам пришли трое. К нашему стыду сказать, из нашей среды нашелся один человек такой, продавец, который, спасая свою шкуру, не пощадил других. Но и в нашу честь можно сказать, что только один такой нашелся. Он был третий в комиссии, которая производила опись. Он – наш сосед и бывший друг вашего отца. Подготовиться к этому нам не осталось времени, и то еще попытались хоть маленькую часть унести с их глаз. Выручал сад с густо разросшимися вишнями. Два больших окорока бросили в летнюю печь под яблонями, но их нашли, и сколько возни

Братья Матис – Иван, Яков и Давид. Начало 1950-х годов

дорогу. Затопила печь, стряпала и так и не прилегла ни на минутку. Папа еще стал раздеваться, но тоже не ложился, подошел к кровати, где спали дети, сел на край и взял на руки спящего Давида. Он тогда был самый маленький, ему в то время было 3,5 года. Мальчик Гергард – на 1,5 года моложе его умер несколько месяцев назад.

Так папа просидел с ребенком на руках всю ночь. Кто знает, о чем он все передумал за это время. Никаких особых наставлений он нам не оставил, и я ничего у него не спрашивала.

Утром рано мы пошли к Варкентину, куда они должны собираться, чтоб уехать. Не забыть мне – далеко уже уехали, и все еще было слышно по заре стук колес по мерзлой дороге. Уехал отец. Ос-

тавил навсегда все, что ему мило и дорого. Оставил своего отца, старика старше 70 лет да притом калеку, оставил он вас – маленьких, не обеспеченных детей, оставил он свой дом, где он всегда находил привет и уют, и я осталась.

Мне он кто был? Муж, отец моим детям, кормилец, советник и друг. Мне он был – все. Не скажу я, что между нами никогда не было разногласия, но мы оба знали верный источник примирения – молитву. Это было наше счастье. Бедные люди, у которых этого нет!

25-26 июня 1953 г.

Дорогой сын!

...В начале декабря была отправлена папе посылочка с такой записочкой, на которой было еще добавлено: «Родилась

у тебя дочь, 3 декабря». Он, конечно, знал и ожидал этого, и я думаю, что это его в настоящее время не так обрадовало, как успокоило.

Нас везде называли «лишенцами». Мы были лишены права голоса, и этот ребеночек родился лишенцем. Он был кругом лишен всего того, на что каждый человек, который родится на свет, имеет право. Осталось бедному ребенку одна моя горячая материнская любовь, но она не могла заменить все то, что ребенку нужно для здоровой, счастливой жизни. Нежный цветочек завял. Все мои труды, заботы, старания, которые приложила, – все было напрасно.

Через восемь месяцев мы его хоронили...

[28 июня 1953 г.]

Доброе утро, мои милые дети!

...Ваш бедный папа, желая хоть советом нам помочь, писал мне так: «Если тебя там очень притесняют, то поезжай сюда. Здесь люди еще живут спокойно». Ну, я и поехала в Анжерку. Прислал он нам адрес одного брата во Христе, с которым он там успел познакомиться. Брат был вольный.

Не забыть мне, наверное, наше пришествие на станцию Анжерку. Ночь, но уже к утру. Помещение станции переполнено. То ли народ гуда, то ли оттуда – не знаю. Все, черные, грязные, валялись на цементном полу. На стенах, сиденьях, окнах – везде отпечаток близких угольных шахт. Молоко, взятое еще из дому ребенку, кончилось. В грудях у меня ничего не было, и маленькая девочка стала плакать. Оставить ребенка с Яшей и идти за молоком было опасно, он мог бы уснуть, и ребенка задавили бы в народе. Я подняла чемодан, поставила его на край и подняла маленькую кроватку на него, этим убирая ее хоть из-под ног. В надежде найти где-нибудь немного молока (на станции не было ни столовой, ни буфета) я вышла на улицу, но было еще рано, людей нигде кругом не видать. Тогда вернулась и обошла всех людей с просьбой, если есть у кого, уделить мне для маленького ребенка хоть немного молока. Но все просила даром. Молока ни у кого не было. Положение стало безвыходным. Вдруг подошел ко мне старый дедушка-татарин и мне предлагает молока. В другом случае я бы не согласилась дать ребенку полукишлые остатки молока из закопченного чайника из черной жести, а теперь была очень благодарна. Ребенок жадно выпил это молоко и успокоился.

Настал день. Я взяла подводу и отправилась к квартире к брату Генералову по указанному адресу, т.е. папа нам его выслал. Мои чувства, мысли и переживания по этой дороге, где я шла семь

километров вслед за подводой, были разные. В ожидании скорой встречи с вашим отцом я радовалась, но мысли, как я поеду к чужим людям с такой семьей, меня очень заботили.

Я в суете забыла, что Господь в своем слове говорит: «Я забочусь о вас». Слава нашему всевышнему Богу, он всегда остался верным своему слову. Он и здесь вперед подготовил сердце брата и сестры. Мы были приветливо встречены. К вечеру сообщили отцу, и его отпустили на недолгое время. Мы все были очень рады. Здесь папа первый раз видел нашу маленькую Магдалину. Какая она была нежное, милое создание.

По совету отца я через несколько дней отправилась в соседнюю деревню искать квартиру. Уступили мне избышку, наполовину развалившуюся, она когда-то служила пимокатной, а в последнее время использовалась как хлев.

Мы по нашей возможности ее вычистили, подсушили и зашли...

Дело шло к весне, но стояли еще сильные морозы. Папу стали реже отпускать, но я все свои выходные использовала, чтобы посетить его, и каждый раз, хотя маленькую, посылочку (передачу) неслла. Из дому я уходила обыкновенно с обеда. Попасть на свиданку можно было только, когда они придут с работы. Чтобы ни одной минуты не терять, я старалась во время обеда быть там. Бывало, что и ждать их приходилось.

Опишу один день, который отдельно остался у меня в памяти. На большом, необозримом снежном поле стояли две длинные низкие постройки из сырого леса, наскоро устроенные. Один барак — для жилья, другой — столовая. Перед этим сторожевая будка. Ветер, которому здесь кругом задержки не было, пробирался чуть не до души. Их еще не было. Скрываясь от сильного ветра со снегом, я держалась за сторожков. Вижу, издалека идут, бедные. Иначе их нельзя назвать. Бедные и несчастные. Одеты плохо, кто как. У многих я видела за место шарфа вокруг шеи горсть сырого льна. Наверное, нашли где-то на пашне и наскоро его руками немного помяли и обвили себе шею и грудь, желая себя немного защитить от мороза и пронзительного ветра.

Вместе с ними и меня пустили в столовую. Как зашла, попервости ничего разглядеть не могла. Низкие, маленькие окошки были покрыты толстым слоем снега. Вместо столов служили длинные доски, грязные, а заместо скамеек лежали необструганные доски. Присутствовала при раздаче обеда или ужина. В большой цинковый таз с двумя ручками наливали суп. Каждый получал свой кусок хлеба и деревянную ложку, и вокруг каждого таза собирались десять человек

этих голодных! Тут на самом деле вышло так: кто смел, тот два съел. Зимой варили крупу с рыбой. Конечно, было того и другого так мало, что большую часть супа составляла вода...

...Я лишилась свободы в 1931 году. В марте, в последние дни, мы с Яшей шли на базар. В обед, как вернулись на квартиру, хозяйка мне говорила, что приходил за мною милиционер и, когда меня не нашел, мне велел явиться к ним и захватить свои документы. Пережитое в последние годы и то, что каждый день вокруг себя видела, дали мне понять, что не ждет меня ничего хорошего. ...Я попрощалась с детьми и ушла. После короткого допроса — кто я и откуда я была отведена в камеру. Признаюсь, когда защелюли двери за мною, колени мои затряслись. Порядком ничего не могла обдумать. Волновала меня одна мысль — мои бедные, незащищенные дети! Одни на чужой квартире!

...Яша мне каждый день носил обед. Тюремный паек был триста (300) грамм хлеба, и утром и вечером вешали на ручку дверей ведро теплой воды, да выдавались еще на каждого заключенного по три копейки — «суточные».

Так как с тремя копейками нечего делать, мы оставляли деньги у дежурного, и он нам приносил монпансье-конфеты, которые потом делили. Стали пускать Яшу на свиданку. Приходили моя хозяйка и сестра Генералова, но ничто меня не могло утешить, так я болела о своих крошках-детях. После одной свиданки, которая состоялась в коридоре, когда народ весь ушел и мы опять были в камере, я увидела, как вдруг одна мать из-под нар достала маленькую девочку годов пяти. Она думала ее спрятать, а на следующий день опять незаметным образом отослать домой.

Когда Яша пришел в следующий раз на свиданку, я ему велела детей чисто одеть и привести ко мне. У меня уже план был готовый — детей оставлять у себя. Испытаю: что будет — то будет. На квартире их оставлять было не с кем. Яша всегда был в дороге — то ко мне, то к отцу, еще себе и детям варить. Не знаю, как он все успевал.

Когда время свиданки пришло, зевели моих детей. Немного поговорили, времени осталось мало, надо действовать. Яшу отправили обратно, а малышей завели в камеру. Сердце забилося, но пока все благополучно. Никто ничего не заметил, т.е. из дежурных, а «эти-то» не выдают. Пришел час проверки. Тут попало мне немало. Но я решила стоять на своем. На требование дежурного детей отправить домой я кротко отказала. Его выступление становилось все ярче. Я себя не считала за смелую, но когда он подошел ближе, чтоб детей взять да

выпроводить (на улице в это время стало темно), я захватила одной рукой Ваню, другой — Давида и притеснила их спиной к стенке. Куда только мои трусливость и боязливость девались? Была готова накинуться на него. Нас открыто бить здесь, видно, закону такого не было. По добру ничего не вышло, и криком не мог свое взять. Ушел. Наверное, начальству доложил про вновьприбывших. Через несколько времени пришел снова, но больше ничего не сказал.

На другой день я получила 900 (девятьсот) грамм хлеба и девять копеек «суточных». Видимо, их «усыновили» и причислили в нашу семью заключенных. Не одна я была довольна этим, но и дети. Особенно Давид. Дома все как-то дела до них не было. То мать на работе, то к отцу по выходным пойдешь, а теперь времени хватало для них. Еду нам носили. Яша ежедневно носил, и часто еще сестра Генералова. Продукты были еще свои.

...Забыла я, сколько я, или мы, там пробыли, прежде чем узнали, что нас хотят отправить. Но куда — не говорили.

Прошли комиссию по здоровью. День отправки стал ближе. Водили нас в баню. Ведь у них служба тоже нелегкая. Нас было много. Баня неблизко. Думал, наверное, с нами справиться один. Ну он и помучился: из бани вышли — был сильный буран. Он выстроил нас, скомандовал, ну и люди пошли. Пошли они так быстро, что я с детьми не успевала и никак не могла идти с ними рядом. Отстала далеко. Передних уже не видеть, дети падают, а бедный дежурный бегом, то вперед — их хочет остановить, то вернется ко мне, меня подгоняет. Я стараюсь, сколько силы есть, вперед. Наконец дошли. Все целы. А, поди, у него тоже горе есть. Он ведь отвечает за своих, ему доверенных.

Яша в последнее время стал более свободно ходить к нам. Когда захочет, ночует у меня, ему ничего не говорили. Днем бегают к отцу.

Бедный отец! Как он мучился, когда услышал про мой арест. Телеграмму отбивал домой, чтобы кто выезжал на помощь семье, заявление подавал куда-то насчет меня. Но что он мог сделать? Я представляю его себе, как птицу в клетке, так он бился. Знаю, какое чувство бессилия нас обдаст, если видишь, как кто страдает, особенно кто из близких, и ничего не можешь делать.

Он нам через Яшу еще посоветовал, чего брать в дорогу, и, что меня тогда удивило, помянул соль. Это мне совершенно непонятно было — зачем? Позже, уже в Нарыме, когда месяцами ели несоленое или малосоленое, я вспомнила его слова...

Подготовка к печати
А.Л.Бийчаниновой и И.В.Нам